

образования не позволили тогда приступить к реализации реформы.

Больше повезло другому известному просветителю - Исмаилу Гаспралы, или Гаспринскому (1851-1914). Именно он в 1884 г. создал в Бахчисарае первое медресе нового типа. Неутомимая деятельность Гаспринского, бывшего одно время даже секретарем И.С.Тургенева в Париже, позволила ему распространить свои идеи среди разных слоев тюркских народов России. Он много ездил по различным регионам, издавал газету "Тарджеман" ("Переводчик"), ставшую с 1885 г. первой тюрко-татарской газетой в России, осваивая опыт Турции и других мусульманских стран в деле реформирования системы образования. Между тем среди татар все больше сторонников находила просветительская деятельность Марджани и Насыри. Шихабуддин Марджани, богослов, историк, философ, был имамом первой соборной мечети Казани. Затем он стал мухтасибом этого города, т.е. лицом, ответственным за соблюдение мусульманами норм шариата, а также преподавал в казанской татарской учительской школе. В своих многочисленных трудах ученый развивал идеи просветительства и религиозного реформаторства. Марджани заложил основы татарской исторической науки.

Широким был круг интересов и Каюма Насыри (1825-1902). Историк-этнограф, филолог, писатель, он также выступал на ниве просвещения. Будучи правоверным мусульманином, Насыри сначала преподавал татарский язык в Казанской духовной семинарии и православном училище, а в 1871 г. открыл собственную школу. Насыри заложил основы татарского литературного языка, обогатил его научной терминологией, был автором учебников по математике, геометрии, географии и разнообразных трудов по литературе, педагогике, медицине, этнографии, ботанике, земледелию. Просветительские идеи Марджани, Насыри и Гаспринского легли в основу программы для медресе нового типа. Число таких медресе начиная с 80-х годов неуклонно росло, достигнув нескольких сот к началу XX в. Этому способствовало также и то, что процессу создания татарской школы нового типа активно помогали меценаты из купеческого сословия, хорошо осознававшие необходимость в подготовке молодых квалифицированных кадров. Джадидские медресе возникали прежде всего в районах компактного проживания татар: в Казанской, Уфимской и некоторых других губерниях России. Своего рода маяками здесь были такие медресе, как "Марджания", "Мухаммадия", "Касимия" в Казани, "Галия" и "Усмания" в Уфе, "Хусаиния" в Оренбурге и сельские "Буби" и "Губайдия". Причем в реформированных джадидских медресе все большее место в учебных программах занимали светские дисциплины: математика, физика, астрономия, основы медицины, география, история, иностранные языки, причем не только восточные, но и западноевропейские. В то же время татарское общество выступало за сохранение в программах медресе религиозных дисциплин, ибо ислам оставался тем духовным стержнем, который объединял татар даже в самые драматические моменты их истории.

Вокруг содержания учебных программ и методики преподавания велась борьба между сторонниками старых методов преподавания и реформаторами. Последние больше преуспели в крупных городах, в то время как консерваторы имели большую поддержку в сельской местности с ее более консервативными устоями. Например, в Нижегородской области, выходцы из которой ныне широко представлены в Москве, из полусотни мусульманских школ, имевшихся там в начале XX в., только шесть мектебов являлись реформаторскими. Следует заметить, что царское правительство также препятствовало реформам, поскольку оно опасалось распространения просветительских и реформаторских идей среди татарского населения. Тем не менее число

приверженцев нового продолжало расти, а с 90-х годов XIX в. джадидизм начал распространяться в Азербайджане и Средней Азии.

Постепенно идеи джадидизма стали выходить за рамки системы образования. И в какой-то момент он стал ассоциироваться с мусульманским реформаторством, поскольку видные деятели движения за обновление (Галимджан Баруди, Муса Баруди, Габдерашид Ибрагимов, Кашшаф Тарджемани, Зия Камали, Ризаэтдин Фахретдинов и др.) имели солидную религиозную подготовку. Правда, одни из них большее внимание уделяли вопросам просвещения, другие - проблемам ислама, а третьи, как, например, братья Максуди, занялись политикой. Их имена были хорошо известны не только в татарско-исламском мире России, но и за ее пределами.

С джадидизмом связывались другие прогрессивные явления в жизни мусульманских народов, что нашло особое выражение в культуре. Так, на рубеже XIX-XX вв. в татарской литературе зазвучал мощный голос целой плеяды молодых поэтов и прозаиков, начиная с великого Габдуллы Тукая (1886-1913), "татарского Пушкина", Появились новые литературные жанры, как, например, роман. В произведениях татарских авторов поднимались насущные проблемы жизни и быта народа, его духовного развития и просвещения, вопросы, связанные со свободой личности и положением женщины. Нередко в этих произведениях в качестве отрицательных персонажей фигурировали представители наиболее отсталых кругов духовенства, не желавшие считаться с новыми веяниями в жизни общества.

В целом татарские просветители занимали в начале XX в. ведущие позиции в деле обновления различных сторон жизни российских мусульман. Революция 1905 г. способствовала известной политизации татарской интеллигенции. Последняя приняла активное участие в обсуждении вопросов национально-культурного размежевания в тюрко-исламском мире России после 1917 г., внесших коренной перелом и в жизнь татарского народа. Конечно, некорректно давать оценку произошедшему, исходя лишь из полярных позиций, по принципу "белое или черное". В политическом плане следует отметить образование Татарской автономной республики, хотя она и имела весьма ограниченные права. Но, с другой стороны, попытка добиться подлинной самостоятельности в решении своих национальных проблем была безжалостно подавлена (дело Султан Галиева) светскими властями. Противоречивые процессы происходили и в сфере образования. После революции татары, как и другие народы бывшей империи, получили возможность получать высшее образование. Казанский университет, в котором раньше не очень-то жаловали "иностранцев", стал со временем подлинной кузницей национальных кадров.

Но как в то же время измерить степень понесенных потерь? Надо признать, что татарская культура при советской власти получила новые возможности для развития, освоив, к примеру, неизвестные ранее направления (опера, балет, симфоническая музыка и т.д.), хотя это и происходило в рамках, определенных партийным курсом. Однако вряд ли что может сравниться с тем ударом, который был нанесен татарскому языку. В середине 20-х годов арабский алфавит, использовавшийся татарами и их предками в течение целого тысячелетия, был в мгновение ока заменен на латиницу, а через 15 лет ее заменила кириллица. Многовековое культурное наследие татарского народа обрекалось таким образом на забвение, а татарам словно предлагалось создавать культуру заново. Страшный урон понесла и религия. На первых порах, когда новые власти начали расправу над Русской православной церковью, ислам пока не трогали, а иногда он бывал и востребован, как,

например, при налаживании отношений с новой кемалистской Турцией. Но в 1929-1930 гг. репрессии обрушились и на мусульманское духовенство. Они достигли апогея в 1937 г., когда татарский народ лишился цвета своей интеллигенции.

А какова ситуация ныне? За последние 10-15 лет произошли значительные изменения и в жизни татар. Не будем касаться политических аспектов проблемы, связанной с провозглашением суверенитета Республики Татарстан и ее отношений с федеральным центром. Оставим в стороне и вопросы сугубо социально-экономического порядка, которые весьма актуальны и в Москве, и в Казани. Остановимся лишь на том, что так или иначе перекликается с джадидизмом начала XX в.

Потребность обновления, необходимость реформирования различных аспектов жизни и быта и вместе с тем стремление сохранить и обогатить национально-культурное достояние - все это остро ощущается среди значительной части татар, где бы они ни жили, в Татарстане или других регионах. Известно, что определенная часть татарской интеллектуальной среды призывает к необходимости реанимировать идеалы джадидизма и создать "высокую культуру", которая стала бы достойным продолжением благородного дела, начатого более века назад. Однако порою дискуссия о джадидизме переходит за рамки научного спора, вызывая взаимное непонимание оппонентов.

Недавно автору этих строк довелось присутствовать на заседании исследовательского семинара "Татарский вопрос в России", проведенного в Москве общественной организацией "Ватаным" и редакцией газеты "Татарский мир". Два десятка известных ученых из Москвы и Казани вели интересную дискуссию по теме "Российская государственная политика в отношении ислама: Исходные принципы, цели и направления). Отмечая созидательный потенциал ислама в духовной, культурной, социальной, образовательной областях, участники заседания указывали вместе с тем на негативные явления, связанные с использованием исламских лозунгов радикальными элементами. В то же время государственная политика в отношении ислама в России была охарактеризована ими как невнятная, неустойчивая и непоследовательная.

В ходе дискуссии не раз упоминались евроислам и джадидизм, причем в той трактовке этих понятий, как они рассматриваются некоторыми учеными и политологами в Казани. Когда джадидизм и евроислам ставятся на одну доску, то это вызывает, естественно, новые вопросы.

Но дискуссии относительно джадидизма осложняются порою и нечетким определением данного термина. Вот что сказал по этому поводу в одном из интервью доктор философских наук Айдар Юзеев из Казани, известный своими глубокими исследованиями по татарской религиозно-философской мысли второй половины XVIII - начала XX в "Неправильно отождествлять джадидизм с религиозным реформаторством. На мой взгляд, это реформа образования, одной из главных задач которой было приобщение мусульман к европейской науке и культуре. Да и ныне религиозно-философское течение джадидизма нельзя считать самостоятельным явлением - он часть, сторона реформаторства и просветительства в их широком понимании, часть теологического либерализма, а не отдельное и специфическое направление, тем более сугубо татарское".

Также неоднозначна трактовка понятия "евроислам", которое зародилось в Западной Европе, где

массовая иммиграция граждан из мусульманских стран привела к поиску путей их сосуществования с местным населением, поставила на повестку дня вопрос об их интеграции в западноевропейскую среду. Однако прямой перенос "евроислама" на российскую почву был бы, наверное, не вполне корректным. Ведь в России большинство мусульман, в том числе и татары, - это коренное население страны с давно устоявшимся укладом жизни, имеющим к тому же специфику евразийского характера. Разумеется, нельзя при этом забывать известный постулат о том, что ислам един и он не может быть ограничен какими-то национальными или региональными границами. Тем не менее ислам, как правило, имеет этническую окраску, обусловленную историей народа, географией его расселения, местными традициями (адатом).

Но исламская мысль не стоит на месте. О необходимости нового осмысления учения ислама говорит сейчас муфтий Равиль Гайнутдин, председатель Духовного управления мусульман Европейской части России, отмечая, что "слепой возврат к джадидизму не может полностью решить все современные проблемы ислама" (см "НГР" N 19 от 5 ноября 2003 г.) Несомненно одно творческое наследие джадидов столь богато и многообразно, что оно: предоставляет широкие возможности для новых исследований и разработок в этой области.

Гамэр Баутдинов, публицист.

"НГ-религии", М., 4 февраля 2004 г.